

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Попов Е.В. Американская историография о проблемах "имперского проекта" в период переселенческой политики в России во второй половине XIX начале XX в // Genesis: исторические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.9.72147 EDN: SJOXUN URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=72147

Американская историография о проблемах "имперского проекта" в период переселенческой политики в России во второй половине XIX начале XX в.

Попов Евгений Викторович

старший преподаватель; кафедра Гуманитарных дисциплин и правоведения; Филиал ОмГПУ в г.Тара
старший преподаватель; Филиал Омского государственного педагогического университета

646530, Россия, Омская область, г. Тара, линия 11, д.61

 e.popov@tara.omgpu.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.9.72147

EDN:

SJOXUN

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Аннотация: Рассматриваются проблемы имперского проекта и государственной политики России в процессе освоения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Объект работы – анализ историко-философских исследований в американской историографии. Предмет исследования – имперский проект и политика России по отношению к Сибири в период активной фазы переселений в Сибирь через призму американской историографии. Авторские выводы базируются на основе опубликованных и неопубликованных исторических источников по данной исторической проблематике. В работе выделены основные направления по указанной проблематике, проанализированы и определены тенденции по исторической теме в рамках дискурса зарубежной историографии на данный момент. Переселенческий вопрос был важным не только для отечественной историографии, но и достаточно глубоко переосмыслился в зарубежной историографии. Методологическим основанием для написания статьи является использование новой культурно-интеллектуальной истории, основывающейся на дискурсивной практике научного сообщества в определенном социокультурном

подходе. Проблема имперства является одной из самых актуальных и остродискуссионных, несмотря на свою архаику по происхождению, что только подтверждает ее фундаментальность и научную значимость. В статье анализируются подходы зарубежной историографии по проблеме имперского проекта: проект-как колонизация, проект как экспансия, проект как продолжение внутренней политики государства. В работе систематизированы основные подходы, выделены их положительные и отрицательные стороны. Определена роль и значение зарубежной историографии для осмыслиения имперского проекта. Рассмотрены концепции имперского проекта в рамках фронтира, модернизации и колонизации, выделено общее и отличие. Анализ реализован через методологию новой имперской истории, что позволяет более конструктивно рассмотреть проблемы исследования. Объединение научных исследований и подходов американской исторической школы помогут иначе взглянуть на проблему геополитического проекта, и тем самым более аргументировано сформулировать новые подходы к данной проблеме.

Ключевые слова:

имперство, колонизация, колония, переселенческая политика, модель имперской политики, теория колонизации, теория фронтира, новая имперская история, американская историография, правовой плюрализм

ВВЕДЕНИЕ

В современной исторической науке проблема формирования общественно-исторического, экспертного дискурса к проблеме переселенческой политики во второй половине XIX - начале XX в. является остродискуссионной. В период проведения активной фазы переселенческой политики формировались первые дискуссионные площадки, экспертное сообщество, особое место занимали эксперты, представляющие зарубежное направление. В отечественной историографии не всегда отдавали значительное внимание зарубежной в ее анализе, сравнительной характеристике, наоборот, считали порой тенденциозной, заведомо политически ангажированной.

Понятие «имперский проект» стали широко рассматривать во многом благодаря зарубежной историографии, которая трактовала изменения, связанные с активной переселенческой политикой, как большой геополитический проект с продвижением России в Сибири и на Дальнем Востоке. Американская историография сформировала новые научные подходы, парадигму о переселенческой политике в России во второй половине XIX - начале XX в.

Среди всех направлений в зарубежной историографии можно выделить американское, которое в XX в. особенно ярко и конструктивно стало накапливать материал по исследуемой теме. В американской историографии в контексте проведения активизации переселенческого движения сложилось разное представление о политике России по отношению к Сибири и Дальнем Востоку. Одно из первых и прочных мнений, которое устоялось среди экспертного зарубежного сообщества, что Россия в плане колонизации и освоения новых пространств совсем немногим отличается от европейских государств по стилю и методам. Роль практически каждого эксперта заключалась в том, чтобы дать этим отношениям характеристику и представить модель взаимоотношений. Американский исследователь М. Раев одним из первых предложил свою модель имперской политики России на новых пространствах, которая реализовывалась в три шага: первый -

завоевание или присоединение, второй - инкорпорация, третий - ассимиляция. Он предлагал достаточно упрощенную, но понятную модель исторического сотрудничества России и ее территорий за Уралом, модель умеренных отношений [1, с.34].

Радикальная модель была представлена американским ученым Ф. Старром, который полагал, что Россия - это классическая колонизаторская страна, которая за долгое время не изменила свою политику к новым территориям. На его взгляд, это модель отношений с новыми территориями, которая выражалась в следующем: определяющая и центральная роль - за государством; на местах отдавалось предпочтение армии как институту организации жизни на окраинах; православная церковь как инструмент колониальной политики; реорганизация жизни местных элит путем раздачи привилегий [2, с. 122-144].

Американская историография занимала не только радикальные или умеренные позиции по проблемам дискурса переселенческой политики, но и пыталась занять позиции центристского характера. Исследователь С. Беккер был менее категоричен с точки зрения колонизаторской деятельности русского государства по отношению к Сибири, наоборот, он выявил ряд положительных свойств, характерных для процесса инкорпорации со стороны царского правительства, и сделал ставку на правовой аспект. С. Беккер выделил положительные черты колонизаторской деятельности через попытку установить местные социально-экономические институты наместников, генерал-губернаторов, которые способствовали быстрому процессу интеграции. Царское правительство устанавливало подобные институты власти, таким образом подчеркивало уважение к этим пространствам, подобно территориям Польши, Финляндии, Малороссии и другим. Последний элемент данной политики - это предоставление дополнительных властных полномочий новым территориям [3].

Правовой аспект имперского проекта в контексте переселенческой политики всегда обсуждался в американской историографии. Исследователь Дж. Бербанк продолжил эту традицию в своем докладе, где представил анализ правовых документов Московского государства и доказывал в них факт существования имперской сути. Суть данного понятия, на взгляд Дж. Бербанка, заключалась в том, что каждый народ имеет свои обычаи и нравы, соответственно их надо отчасти отобразить в общем имперском законодательстве. Дж. Бербанк назвал свой подход правовым плюрализмом - это включение местных обычаяй разных народов России в общую правовую систему координат, что способствовало плавной процедуре интеграции [4].

Таким образом, в рамках имперского права существовала разная система правовых режимов по отношению к разным группам населения. Однако в начале XX в. царское правительство решило унифицировать правовой режим для всех жителей империи.

Американская историография обросла своим негативным понятийным аппаратом в рамках дискурса имперского проекта. Так, кроме правовых коллизий, было интегрировано понятие «русификация». Исследователь Э. Таден предложил определить данное понятие и наделить его смыслами. Русификация, по его мнению, носила разновекторный характер, который включал в себя незапланированную, культурную и административную роль. Таким образом, русификация проходила несколько этапов, сначала административная функция, а только потом культурная интеграция. Имперский проект в русле национальной внутренней политики России рассматривал Х. Уilan. Он полагал, что национальная политика России, в зависимости от задач и целей, носила чисто национальный интерес и в разных регионах отличалась. Например, в западной

части страны не всегда можно было провести жесткую русификацию, а в восточной, наоборот, существовала необходимость поднимать местную экономику и культуру до уровня империи [\[5, с. 202-210\]](#).

Проблема русификации поднималась в исследованиях А. Каппелера, который охарактеризовал это понятие как процесс языковой, культурной адаптации нерусских этносов. Он различал понятие термином «русификация», оно могло носить разный характер - от этнического смысла до общих имперских понятий и смыслов. А. Каппелер в своих исследованиях пошел дальше и пытался приобщить теорию фронтира, заявленную Ф. Дж. Тернером, суть которой заключалась в существовании колониальной среды с заселением и освоением свободных пространств [\[6, с. 194-199\]](#).

Таким образом, оценивая проведение имперской политики России на новых пространствах, зарубежное экспертное сообщество считало, что государство по инерции продолжало использовать практически весь набор инструментов, ранее выработанный ее историческим опытом. Однако, кроме традиционных проблем и классических клише - таких понятий, как русификация, имперская политика, колонизаторская деятельность, некоторые исследователи обратили внимание на новые элементы в проведении внутренней политики, особенно в период переселенческой политики.

Кроме вышеупомянутых терминов и дефиниций, исследователем И. Валлерстайном были разработаны новые - «мир - империя», что в свою очередь было равнозначно отношению «центр - периферия». Формула подобных отношений предопределила соотношение на правовом поле и в парадигме выстраивания государственной политики на новых территориях. В результате в Сибири правовые механизмы не всегда носили государственный характер, касающийся всей территории России, что отчасти напоминало старую формулу взаимоотношений еще Московского царства [\[7, с. 9\]](#).

Концептуальные подходы дополнялись постоянно, такой для американской историографии стала концепция внутреннего колониализма М. Хечтера, которая отчасти повторяла старые нарративы, но теперь центр создавал на границе с Сибирью несколько точек, от которых шел процесс продвижения управленческих структур в новые регионы [\[8, с. 34\]](#).

Исследователь Ф. Нансен предположил идеалистическую концепцию, что Сибирь со временем может стать новым центром в результате удачного плана реализации имперского проекта. Сибирь - это часть России, причем очень важная geopolитически, экономически, социально-культурно, она не является для нее колонией [\[9, с. 516-538\]](#).

Американский исследователь У. Сандэрлэнд полностью отверг мнение, что Россия - это классическая колониальная держава, наоборот, вся внутренняя политика - постоянный процесс продвижения по континенту, которое носило чисто хозяйственный характер. Итогом стало формирование многонациональности процесса и создание природы русской нации. По мнению У. Сандэрлэнда, Россия занималась только переселенческой политикой, которая выражалась в переселении народа из одной части страны в другую, соответственно население не было объединено ни религиозно, ни цивилизационно, Россия не считала, что идет процесс экспансии. Все подобные исторические процессы, которые проходили во второй половине XIX - начале XX в., воспринимались как элементы имперской политики [\[10, с. 23\]](#).

В плане отношения к процессу внутренней политики к Сибири одними из самых консервативных были американские историки Ф. Голдер и Р. Кернер. Между ними

существовала разница в подходах к роли правительства, в оценке планов имперской экспансии в Сибири. Р. Кернер полагал, что географические и социально-экономические факторы являлись основными среди причин колонизации Сибири, а непосредственную деятельность государства расценивал как разумную и эффективную [\[11, с. 34\]](#).

С позиции Ф. Голдера, русская колонизация носила только военно-агрессивный характер и ничего хорошего местному населению не принесла. Суть ее, по мнению Ф. Голдера, заключалась в постоянной русской экспансии, во многом отталкиваясь от нее, все остальные исследователи трактовали исторические события в подобной форме. Последователи Ф. Голдера - В. Конноли, В. Коларц, Л. Тиллет [\[12, с. 36\]](#).

Американская историография объединила в себе сразу три концепции - фронтир, модернизацию, колонизацию, но при этом причины переселенческой активности государства в Сибири оценивали только с точки зрения разрешения внутренних проблем, а также возможности формирования на новых пространствах русского населения [\[13, с.387-417\]](#).

Представитель оценки имперского проекта с точки зрения колониального подхода В. Конноли делал акцент на большую роль государства в процессе освоения пространств в Сибири, цель которых заключалась только в разработке природных ресурсов [\[14, с.34\]](#).

Терминами «колониальная экспансия» и «империализм» политику России в Северной Азии и Северной Америке характеризуют и другие западные исследователи: Р. Норт, Д. Коллинз, Д. Гайер, Ф. Б. Шенк, Э. Глатфельт, Ф. Патрикеев, Г. Шукман, С. Пэйн, И. Ниш Ш. Коррадо, И. Виньковецкий, М. Сокольский [\[15, с.45\]](#).

Американский историк С. Маркс раскритиковал приобщение теории фронтира к Сибири и, наоборот, поддержал традиционную теорию колонизации. Исследователь положительно оценивал русскую колонизацию Сибири и даже предлагал поучиться подобному опыту у русских европейцам [\[16, с.8-9\]](#).

Основной из всех концепций стала американская теория колонизации, которую представляли У. Сандерлен, отчасти С. Маркс, А. Шрэдер, Н. Б. Брейфогле, и заключалось она в том, что русским удалось заселить огромные пространства Сибири русским населением. Именно это было главной чертой империостроительства [\[17\]](#).

Сторонниками теории колонизации были К. Виденфельд, Х.-Й. Серафим, В. Клумберг, которые выделяли «внутреннюю», «внешнюю», «штрафную», «военную» русскую колонизацию и полагали, что её характеристики сравнимы с подобными процессами в других уголках мира. [\[18, с. 4\]](#).

Основной акцент в исследованиях американских авторов был поставлен на негативные тенденции в отношениях между переселенцами и местными народами, которые часто носили спекулятивный и политический характер. Так, исследователь А. Моррисон приводил в качестве примера петицию графа К. К. Палена, в которой описан конфликт между местными и переселенцами. В заключении комиссии объявлено отсутствие каких-либо положительных моментов и возможности передачи положительного экономического и культурного опыта местному населению.

Исследователь С. Грэхэм пошел дальше и еще более резко охарактеризовал взаимоотношения местного и пришлого населения. На его взгляд, колонисты относились к местному населению как к рабам, в частности, киргизов не считали за людей. На

самом деле, царское правительство всегда остро реагировало на любые местные конфликты и весь период выстраивания переселенческой политики. [\[19, с. 45\]](#)

Имперский проект реализовывался в рамках имперской парадигмы, что само по себе намного шире, чем теории хартленда и евразийства, где не учитывались географические пространства, вся территория оценивалась как единое целое. В пореформенный период произошел процесс активизации и использования накопленного в предшествующие годы исторического опыта, а Сибирь стала местом апробации как опыта, так и новых инструментов внутренней политики. Имперский проект - это новый этап взаимодействия центра и периферии. Историческая практика показывала, насколько возможно применение существующих методов и схем, а также демонстрировала возможность государства создавать новые социально-политические структуры, выстраивать инфраструктуру для решения тех или иных социально-экономических проблем.

А. Кинг полагал, что исследовать Сибирь надо только с использованием имперского подхода, потому что у этого особенного региона ключевая для России роль, соответственно надо отказаться от колониального и постколониального дискурсов. [\[12, с. 36\]](#)

Современная российская историография начала ХХI в. включает работы авторов В.А. Ламина и Д.Я. Резуна, которые полагали, что для более детального и правильного исследования региона необходимо определиться с понятийным аппаратом, в том числе с такими как «колония» и «метрополия». На их взгляд, имперский проект — это попытка проецирования новых механизмов управления, их внедрения, что шло вразрез с американскими классическими концепциями и подходами [\[20, с. 22\]](#).

Исследователи Е.Е. Дутчак и В.В. Кашпур предлагали свой вариант имперского проекта, который противоречил американской историографии. Они не согласны с жесткой дискриминационной политикой центра в регионе, отвергали отношения по примеру метрополия — колония. Авторы утверждали, что имперский проект сформировал особую региональную идентичность у местного населения, новый идеологический конструкт. [\[21, с. 116-129\]](#)

Исследователь М.В. Шиловский, оценивая имперский проект, считая основным продуктом его деятельности создание нового типа культурно-хозяйственной деятельности. Автор отвергал концепции Ф. Хиппа и К. Гэдди, смысл которых заключался не в рыночных условиях освоения края. [\[22, с. 6-16\]](#)

Российский исследователь А.В. Ремнев предложил свой подход на имперский проект, назвав его «география власти», и раскритиковал традиционные подходы, выработанные в американской историографии. Он поставил под вопрос такие подходы, как «цивилизованная метрополия», «господства — подчинения» и «некультурная колония». А.В. Ремнев привел очевидные факты равенства взаимоотношений между центром и Сибирью, «рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры». [\[23, с. 135\]](#)

М.К. Чуркин предложил новый подход, который выражался в том, что традиционная имперская политика не смогла реализовать все цели и задачи, которые ставила в данном регионе. Совершенно очевидно, что имперский проект аграрного освоения региона не учитывал многих важнейших факторов, как отдаленность региона от центра, участников переселений от эпицентров социализации. В результате в регионе

сформировалась своя сибирская идентичность, произошла автономизация социальных групп населения Сибири, а государство лишь укрепило административные границы. Актор уходит от традиционных американских концепций и предлагает свое видение проблемы, полагая, что имперский проект не смог окончательно реализоваться в Сибири, поскольку не сложился единый государственный конструкт ввиду указанных выше особенностей. [24, с. 57-66]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, объединение научных исследований и подходов американской исторической школы помогут иначе взглянуть на проблему геополитического проекта и тем самым более аргументировано сформулировать новые подходы к данной проблеме. В последние десятилетия развития американской исторической науки по данной теме сформировалось направление «новая имперская история», в рамках которого реализовывался подход «новой культурной истории», смысл которой заключался в исследованиях национальной политики самодержавия, что и является новизной научного исследования. [25, с. 394-405]

Американская историография сегодня продолжила развивать следующие направления в изучении имперского проекта в рамках имперской парадигмы: теория колонизации, теория фронтира, теория русской восточной экспансии, теория новой имперской истории. Таким образом, проблема имперского проекта в разных плоскостях всегда фигурировала в абсолютно противоположных теориях по освоению новых пространств. Сегодня, как и прежде, остаются давно разработанные теории в американской историографии, но появились и новые подходы, которые продемонстрировали более адекватную историческую оценку событий в России в пореформенный период по отношению к Сибири. Российская историография критикует как классические американские концепции и предлагает новые научные конструкты содержания, которые в последнее время приобрела новый научный вид. Модель российских акторов — не копирование научных подходов по аналогии метрополия и колония или центр и периферия, как это представлено в американской историографии, а в рассмотрении имперского проекта как модели внутренней колонизации.

Библиография

1. Бродель Ф. Время мира / Ф. Бродель; Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; Вступ. ст. и общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс. М., 1992.
2. Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 122-144.
3. Нансен Ф. В страну будущего: Великий сев. путь из Европы в Сибирь через Кар. море / Фритьоф Нансен; Авториз. пер. с норв. А. и П. Ганзен. – Петроград : Изд. К. И. Ксило, 1915.
4. Сандэрлэнд У. Империя без империализма // Новая имперская история постсоветского пространства. (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова. А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. – Казань: «Центр Исследований Национализма и Империи», 2004.
5. Хечтер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика. М., 2000. С. 202-210.
6. Яцунский В. К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // ВИ. 1945, № 5-6. С. 194-199.
7. Burbank J. Revising imperial Russia: Conference report // Slavic Review. 1993. Vol. 52. No 6. P. 9.

8. Becker S. Russia and the concept of empire // Ab Imperio (Казань). 2000. № 3-4. P. 34.
9. Dowler W. The politics of language in non-Russian elementary schools in the Eastern empire, 1865–1914 // Russian review. 1995. Vol. 54. № 4. P. 516-538.
10. Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914.
11. Kerner R. The Urge to the Sea: The Course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs. 2nd ed. Berkeley; Los Angeles, 1942; 1946.
12. King A. The Siberian Studies Manifesto // Sibirica, 2006. Vol. 5, No. 1. P. 36.
13. Morrison A. (2015) 'Peasant settlers and the "civilizing mission" in Russian Turkestan, 1865–1917' // Journal of Imperial & Commonwealth History Vol. 43 No. 3. pp. 387-417.
14. Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / ed. by N. B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N. Y., 2007.
15. Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems / Ed. by E. Allworth. New York, 1971. P. 45. 16) Starr F. S. Tsarist government: The imperial dimension // Soviet nationally policies and practices / Ed. by J. R. Azrael. New York, 1978. P. 8-9.
16. Starr F.S. Tsarist government: The imperial dimension // Soviet nationally policies and practices / Ed. by J.R. Azrael. New York, 1978. P. 8-9.
17. Stewart J. Siberia's lake Baikal: Aspects of its History, Economy and Ecology // Asian Affairs, 1976. Vol. 63. Pt. 2.
18. Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1952. Vol. 26, N 4. P. 4.
19. Urbansky S. Kolonialer Wettstreit. Russland, China, Japan und die Ostchinesische Eisenbahn. Fr.a.M., 2008.
20. Ламин В. А., Резун Д.Я. Метаморфозы фронтира в истории Сибири, Северной Америке и Австралии (к постановке проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 22.
21. Дутчак, Е.Е. & Кашпур, В.В. "Русский сибиряки", или Парадоксы региональной идентификации ["Russian Siberian", or paradoxes of regional identity]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World. 2013. 4 pp. 116-129.
22. Шиловский М.В. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства // Европейские исследования в Сибири: сб. науч. ст. Томск, 2001. Вып. 3. С. 45.
23. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. Омск : Издательский дом «Наука», 2013.
24. Чуркин М.К. Вопросы колонизации Сибири в мемуарно-автобиографическом дискурсе чиновников Переселенческого управления // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 57-66.
25. Попов Е.В. Характеристика переселенческой политики в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в. в контексте дискурса имперских экспертов // Via in Tempore. История. Политология. 2021. Том 48, № 2. С. 394-405.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История России, как справедливо заметил В.Г. Белинский, богата драматикой и

трагикой. К сожалению, в отличие от американской культуры, в русской не сложилась культура по увековечиванию покорителей Сибири и Дальнего Востока. А ведь климатические условия Сибири намного суровее, да и размах территории намного больше. К слову, говоря о покорении Сибири следует заметить радикальное отличие ее освоения русскими людьми от колонизации того же Дикого Запада Америки. Тем удивительно слышать от западных исследователей голоса о якобы колонизаторской политике русских за Уралом и так далее. Впрочем, в зарубежной историографии существуют разные позиции, что вызывает важность изучения историографических сюжетов.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является американская

историография о проблемах "имперского проекта" в период переселенческой политики в России во второй половине XIX начале XX в. Автор ставит своими задачами рассмотреть различные представления в американской историографии

о политике России по отношению к Сибири и Дальнем Востоку, а также показать проблему имперского проекта России в американской историографии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать разработанную американскими исследователями парадигму о переселенческой политике в России во второй половине XIX - начале XX в.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором трудов укажем на работы Дж. Бербанка, У. Сандерленда, Ф. Голдера и других специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения переселенческой политики России в конце XIX - начале XX в. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей России, в целом, так и ее американской историографией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "в американской историографии в контексте проведения активизации переселенческого движения сложилось разное представление о политике России по отношению к Сибири и Дальнем Востоку". В работе показано, что "одно из первых и прочных мнений, которое устоялось среди экспертного зарубежного сообщества, что Россия в плане колонизации и освоения новых пространств совсем немногим отличается от европейских государств по стилю и методам". Вызывает интерес приводимое автором мнение А. Кинга, который полагал, "что исследовать Сибирь надо только с использованием имперского подхода, потому что у этого особенного региона ключевая для России роль, соответственно надо отказаться от колониального и

постколониального дискурсов".

Главным выводом статьи является то, что "сегодня, как и прежде, остаются давно разработанные теории в американской историографии, но появились и новые подходы, которые продемонстрировали более адекватную историческую оценку событий в России в пореформенный период по отношению к Сибири".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории и историографии, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания авторами, а ее автор тяготеет к описательности:

1) Следует вычленить текст, у автора есть такие предложения, как "историография занимала не только радикальные или умеренные позиции по проблемам дискурса переселенческой политики, но и пыталась занять позиции умеренно радикального характера".

2) Следует показать критику американской историографии российскими авторами.

3) Сноски в тексте должны быть оформлены по требованиям издательства.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи является американская историография, посвященная проблемам так называемого «имперского проекта», авторы делают акцент на исследованиях периода переселенческой политики в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Американская историография действительно много внимания уделяла и уделяет проблемам исторических путей развития России, при этом, кажется, неверное, с точки зрения, собственно историографического анализа выделять отдельное американское направление зарубежной историографии (как авторы делают в третьем абзаце), потому что это создает неверное впечатление о будто бы единообразии и единогласии такого направления. Между тем, американская историография имперского проекта состоит из разных весьма самостоятельных, а иногда и противоборствующих направлений.

Удивительно, что определение ключевого понятия, исследуемого в статье,дается походя уже в середине, когда имперский проект определяется как «новый этап взаимодействия центра и периферии». В таком варианте изложения получается, что «имперский проект» является авторским конструктом, который должен обобщить различные точки зрения американских авторов, в основном посвященные не проекту, а привычным и прозаическим сюжетам, вроде имперской политики, географическом факторе, роли Сибири и, вспоминая давнее определение М.К.Любавского, «исторической географии России в связи с колонизацией». Важно дать авторское определение «имперского проекта» в самом начале статьи, чтобы сразу задать аналитическую рамку рассматриваемого историографического сюжета.

Тем более, удивительно, что в статье не рассматривается недавняя книга известного американского историка Альфреда Рибера "The Imperial Russian Project: Autocratic Politics, Economic Development, and Social Fragmentation" (University of Toronto Press, 2017, 528 р.), в которой как раз в логике «имперского проекта» обобщены его наблюдения о роли реформ в процессе государственного строительства, о проблемах взаимодействия государства и общественных движений и о дискуссиях о путях экономического развития Российской империи.

Учитывая влияние английской академической историографии на американские дискуссии можно было бы упомянуть и книгу известного британского историка Джона Дарвина “The Empire Project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970” (Cambridge University Press, 2009, 811 р.), в которой представлено современное видение на проблематику «имперского проекта», обсуждается в какой мере этот концепт применим к анализу исторических процессов в мире, и можно ли считать Британию эталоном такого «проектного» анализа. Важно отметить, что в трактовке Дарвина проект имеет смысл изучать не по отдельным периодам, а целиком – от начала до конца.

Авторы удачно систематизируют текущее состояние американской историографии, указывая такие направления, как теория колонизации, теория фронтира, теория русской восточной экспансии, теория новой имперской истории. Это верно, и удачно сформулировано. Но нельзя не отметить, что такой список можно продолжить: во-первых, весьма острыми дискуссиями о постколониальном повороте в истории империй, во-вторых, отсутствует дискуссия о провокационной концепции так называемой новой имперской истории Северной Евразии.

Несмотря на высказанные замечания, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования» после небольших дополнений в библиографии, предложения по которым высказаны в рецензии. Выводы – самостоятельные, обоснованные, статья наверняка вызовет интерес читательской аудитории.